

АВГУСТ КОТЛЯР

Опаньки!

нецензурный роман
часть первая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Август Котляр

Опаньки! Нецензурный роман. Часть первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70383919

SelfPub; 2024

Аннотация

Этот роман создавался больше тридцати лет. Автор брался за него, писал главы, фрагменты, сомневался, сжигал рукопись, потом снова писал и снова был недоволен. Он написан на русском нецензурированном языке. На том, на котором большинство людей говорит и думает, но никогда не признаётся на людях. И написан роман о том, о чём думает каждый, но не сознаётся. И о том, о чём каждый мечтает, и каждый боится, но не сознаётся. Это, с одной стороны, о нашей животной природе, которая хочет секса, любви, денег, статуса, чужого восхищения. С другой стороны, мы боимся беспомощности, ненужности, болезней, нищеты, бессилия, боимся смерти. Роман этот о человеке, попавшего на грань между этими вещами – что с ним будет, есть ли в нём воля к жизни, сообразит ли он, что делать, когда он делать ничего не может, ибо его парализовало – вот он был из себя весь великолепный и вдруг оказывается один, беспомощный, безвестный, в безнадёжной ситуации. Сдаться или биться – вот это о чем. Обложка: рисунок автора.

Август Котляр

Опаньки! Нецензурный роман. Часть первая

Предисловие

Любезный мой читатель!

Этот роман я задумал ещё в студенческие годы, в середине 1980-х; замысел у меня родился в одном полуразрушенном особняке в Лопухинском переулке, между Пречистенкой и Остоженкой. Это жилой особняк выселили в преддверии капремонта. Я в него заходил много раз. Курил там и пил водку. Размышлял о том и о сём. Поскольку я изучал первобытное искусство, семантику и семиотику первобытной культуры, ритуалы перехода, а также много читал всяких книг – я больше двенадцати лет провёл фактически безвылазно в библиотеках МГУ, в Историчке и в Ленинке, – то в голове моей рождались свои и роились чужие мысли, подвергаясь перекрёстному опылению. Тогда мне всё было интересно – и физический вакуум, и космогония, и трансперсональная психология, и теория искусства, и производство карандашей, и стеклование ядерных отходов, и вирусология, и нейрохирургия, и инсектология, и этология, и древнеки-

тайская философия, и японская поэзия, в общем, мне тогда было интересно познавать мир. Чего я читал мало, так это художественной литературы. Если б меня попросили называть людей, чьи художественные сочинения не счёл бы напрасной тратой времени, я бы назвал всего несколько имён. Это Ги де Мопассан, это Бальзак, это Жорис-Карл Гюисманс и Томас Харрис. У этих писателей можно научиться жизни.

За двадцать пять лет, с 1998 года, я написал что-то около двух десятков книг, но художественная – это первая. Да, писал всякую мутоту про государственное строительство, федеративные устройство, межбюджетные отношения, государственный долг и государственных финансовый контроль, про вопросы недр- и землепользования, потом писал публицистику, и, с 2007 года, я правил чужие и писал свои сценарии, но даже не знаю, зачем. Их критиковали, не покупали, я учился писать ещё лучше, хотя признавали безусловный талант. Но я хотел создавать новое кино, которого ещё не было, оно не вписывалось ни в рамки авторского, ни в рамки коммерческого. Возможно, я выбирал сценарную форму, потому что она не требовала художественных красотостей и описаний внутренних переживаний героев, ибо они должны были показываться через действие и игру актёров.

Я стремился к предельной лаконичности. К таким дзенским высказываниям, приводящим к озарениям. Поэтому я

заялся живописью – изображением сцен, которые бы рассказывали историю. С минимумом деталей. Остальное досоздаст воображение зрителя, если он, конечно, имеет некое соображение и образование. Это улучшало качество моего письма, позволяло формулировать мысли афористично, парадоксально, ёмко, коннотированно и предельно точно. При этом я умел ткать из таких мыслей контекст, в котором ключевая мысль обретала несколько пластов смыслов, и каждый мог найти там что-то своё: кто пронизательное суждение, кто изощрённое стебательство, а кто и вообще ничего. Если эти не имели аппарата для понимания, оно им было и не надо. Это как надеть хорошо сшитый костюм – лох не заметит, а намётанный глаз оценит и посадку, и ткань, и костяные пуговицы, и вручную обмётанные петли, и идеальную длину рукавов как для правой руки, так и для левой.

Почему я написал это произведение с обильным использованием ненормативной лексики? Во-первых, я не считаю эту лексику ненормативной. Просто для одних случаев и обстоятельств есть одни нормы, когда мы говорим на одном языке, а в других – на более ёмком, сочном, выразительном, мясистом и перчёном. То, что мы называем русским матом – исключительное явление, это шедевры нашего мощного, глубокого, сильного языка, в других такого нет. В принципе, только этими несколькими обценными корнями можно на Руси разговаривать со всеми людьми и быть понятым,

можно выразить любую мысль, глубокую, содержательную, и с нюансами. Русский мат – это лингвистический шедевр, это драгоценный камень в короне русской словесности, он передаёт тончайшие оттенки чувств, он проникает в самую суть обсуждаемого вопроса, будь то вопросы любви, политики, строительства, спорта или рыбалки. Этот роман поэтому исключительно для носителей русского языка, для влюблённых в русский язык, и, полагаю, его невозможно перевести на другие языки, не утратив самый цимес.

О чём этот роман? Обо всём. Он о главном – об энтелехии, о витальности, о той незримой силе, которая даёт нам жизнь, заставляет продолжать жизнь во что бы то ни стало, и держит до поры в нас эту жизнь, покуда она не улетучится туда, откуда пришла.

Что за название – “Опаньки”? Не позволено мне было планировавшееся название – “Йибанько” – вынести на обложку. Долгие годы я хотел назвать роман “Профессор Ий, пришелец”. Потом – “Ебанько”. Последнее название очень точно и ёмко отражает суть романа, но заезжено как вульгарное обзывательство. Совместил. Сократил до полного лаконичности и ёмкости. Получилось и созвучно, и точно по смыслу, и по обоим моим капризам – изначальному и последующему. Но такое название было отклонено издательством, как и слово “культовый”. Оставим на его совести, ибо оно потребова-

ло для такого случая подтверждения от критиков, но кто будет меня критиковать? Я сам литературный и кинотеатральный критик. Не стал я спорить, убрал из названия.

Напоследок замечу, что я руководствовался теми же императивами, что и скульптор Чарльз Сайкс, создавая статуэтку “Дух экстаза” для “Роллс-Ройса” – как воплощение разумной скорости, грации и красоты, дух, в котором нет ни капли вульгарности, фривольности и ража. И я обошелся без пошлости, трюизмов, хамства, разнужданности, гадостности, стремясь вскрыть проявленность и проявления силы жизни и силы духа, их соразмерность, сочетанность и противоречия, когда сила сопротивляется духу, и дух сопротивляется силе. В этом противоречии и сокрыт “движок” романа, побудительная сила, толкающая развитие бессюжетности в отсутствие действия. Это пояснение для тех, кто не знаком ни с законами драматургии, ни с вещами, упоминаемыми в романе, но различат лишь одну сплошную случку и матерщину. А на самом деле, это один из лучших романов, созданных человечеством. С лучшими образцами я все-таки заставил себя познакомиться, чтобы трезво и объективно понять своё место в русской и мировой литературе и занять его, пусть даже и для очень узкого круга имеющих вкус и толк читателей.

Здесь публикую первую часть. Хотелось бы знать, стоит ли публиковать последующие.

Буду рад отзывам rawgazebooks @ gmail.com

Не трудитесь писать гадости, их хватает на моём Дзен-канале, не тратьте своё время, не переводите моё. Меня они не задевают, я настолько привык, что не реагирую, не обижаюсь, не стыжусь ни за себя, ни за пишущих. Мне эти мнения безразличны, как и люди, которые их пишут. А вот конструктивным вопросам буду благодарен – что волнует моих читателей, на какие вопросы они ищут ответы и не могут найти. Поищем тогда вместе.

Москва, февраль 2024 года

Часть 1. Опыт литературного палимпсеста

Было это вчера или двадцать лет тому, не так уж важно. Было то ли морозное свежее утро, то ли весеннее и не менее свежее, либо было утро второй свежести. А может, выражаясь графомански, стоял осенний период времени. Но дождя, льющегося, как из ведра, там точно не было. Чего не было, того, возможно, и в самом деле не было. А вот что было, точно неизвестно. Но факт остаётся фактом, не до конца установленным, но всё же фактом – там был человек, которого, похоже, не было.

Звали человека Савва Маренов. Или Моренов. Может, и не Савва он вовсе. И не Маренов. Не жидовские ли это штучки? Не еврей ли он? Вообще-то да, хотя немножко нет. Папа немец, некое фольксдойче, мама, по собственному польскому выражению, прехорошенькая жидовочка. Себя же Савва с детства считал москвичом. Так и говорил: папа немец, мама евреец, а я москвич.

Редко случается: на грязном замызганном шнурке этот дядечка носил платиновую менору с семью жёлтыми бриллиантами; они тускло зыркали из зарослей седеющих волос меж некогда маскулинными сиськами. На слегка покалеченном неумелым обрезанием – в условиях жёсткого пролетарского жидоедства – пенисе, на нижней части, примыкающей к мошонке, была выжжена лазером буква "шин". Она пряталась, но не стыдливо. Стыдиться первой букве Священного присутствия Всевышнего, повелевшего тюнинговать резанком мужской уд как символ вечного завета твари с Творцом, было нечего. Твари как творения, в еврейском смысле, разумеется. Рассмотреть и подивиться на необычайное украшательство могли лишь профессиональные минетчицы, потому что член уже не указывал в минуты счастья на без трёх минут полдень, в лучшем случае, он поднимался до без четверти шесть, и под него приходилось заглядывать. Без четверти шесть вечера, не утра. Утреннего солнцестояния уже давно не было.

Что имел в виду Савва, выпиливая лазерным лобзиком местечко для присутствия самого святого – шхины – он не рассказывал. Может, ему лично Господь Бог открыл, зачем сделал мужской половой член символом вековечного завета между Собой и евреями? Не ухо, не глаз, не фалангу мизинца, а именно мальчиковую пипиську. Но явно Савва размышлял об этом, хотя и не делился ни с кем ценными мыслями. Может, потому, что на Средиземноморье у мужчин наблюдался массовый фимоз, или, говоря простым русским языком, незалупа, когда у дядечек не открывается головка, крайняя плоть прирастает так жёстко к головке, что не даёт возможности как посношаться по-людски, помыть пипирку до чиста. В таком разе застарелая смегма гниёт, писька воспаляется, гноится, заражает и женщину, приводя к бесплодию, и к гангрене самого члена. Возможно, у Божественного повеления, вокруг которого выстроены и иудаизм, и его отростки, ставшие самостоятельными деревьями, лежит простая гигиена и необходимость трахать баб полноценно, оставляя за собой потомство. А это, между прочим, и есть первая заповедь, данная человеку – плодитесь и размножайтесь. А для этого надо сношаться, желать сношений и получать от них удовольствие. Праотец Авраам не мог целых сто лет обрюхатить свою любимую Сарру. Но после обрезания дело пошло на лад, и столетняя старушка-первородка родила ему сына Исаака. А Исаак, которого собственный отец

был готов зарезать и сжечь, уже родил жуликоватого прониру Иакова, которого, после мордобоя, который он устроил самому Богу в лице Божьего посланника, дали имя Израиль, что значит “Богоборец”. Так была заложена еврейская идентичность, которую нёс в себе Савва.

Неустановленный, однако вполне достоверный факт таков: Савва пришвартовал свой чёрный Гелендваген AMG 63 к стене боливийского посольства, что в Лопухинском переулке, соединяющем Пречистенку с Остоженкой. Нет, это был не Гелик, это был Лэнд Крузер 200 или даже Рендж Ровер Автобиографи. Точно нет, это был чёрный Роллс-Ройс Куллинан Блэк Бэдж. Да, теперь этот факт будем считать установленным. Это был Роллс. Паркуясь, Савва сбил слегонца мента, стерегущего наловленных в джунглях Амазонки дипработников. Полицай вылез из своей будки, чтоб размяться, покурить дешёвое говнецо и сообщить “стоянка запрещена” с целью получить на чай.

“Аккуратнее, братан, блядь, тут три тонны весу”, – дружелюбно поприветствовал Савва мента, потиравшего ушибленные бампером коленки. “Слышь, командир, только давай без эксцессов, без хуйни, на-ка на лечение, – Савва достал купюру в двести евро и сунул купюру менту в мундир, – Я быстренько. Корыто моё постереги, ещё денежек дам”. И, развернувшись жопой к изумлённому нахрапистой наглостью

мусору, Савва пошёл по переулку вниз, к Остоженке. Возможно, было прохладно, потому что Савва кутался в норковое пальто с соболиным воротником. Очевидно, это всё таки была зима, судя по пальто, да и происходило сравнительно недавно, потому что БМВ стало делать внедорожники из Роллс-Ройсов на излёте второго десятилетия двадцать первого века. Пользуясь случаем, пеняем семье Квандт за падение качества БМВ, но речь сейчас не о них. Даже не выразим к случаю сожаление о такой классной тачке как М5.

Савва посмотрел на часы. Это был бриллиантовый Графф с изумрудами. Бриллианты так заискрились под ясным зимним солнышком, что Савва забыл, зачем смотрел на часы, настолько ему эстетически захорошело от лучистой спектральной россыпи. Прекрасное дало ему по шарам, как будто взял триста текилы на грудь, и не чего-нибудь, а пошла, где на дне лежит червячок-гусано. Или на руке у Саввы была усыпанная бриллиантами “Астрономия” от Яши Арабова? Или Антуан Прецьюзо с тремя турбийонами, выточенный из метеорита, которому и бриллианты ни к чему? Но точно, это были изумительные по красоте, изяществу, усложнениям и космической цене часы.

"Ёб твой мать, – восторгнулся Савва, – ахуеть! Какая, блядь, красота! Как же это Господь Бог додумался соединить семь ярких цветов один прозрачный?" С некоторых пор,

устав от алкоголя, кокаина и избытка умственности, Савва начал вести диалоги вслух с самим собой, потому что больше говорить было не с кем. И не о чем. Проблемы, которые волновали Савву, были не общего порядка. Его волновали бозоны Хиггса, душу бередило золотое сечение и число Фибоначчи, занимал до чрезвычайности опыт внетелесных переживаний, много он размышлял о деривативах и одиннадцатилетних циклах солнечной активности. Отдельным потоком шли мысли о поэзии и высоком художественном слове. И ещё одним раздвоенным потоком шли мысли об учебнике цинизма, который сочинял Савва, и о Красной Шапочке, о которой Савва сочинял похабные истории – чисто для души. Это была Саввина отдушина – сочинение похабных сказок для детей старшего предпенсионного возраста. Сам он работал проституткой – только интеллектуальной – и находит своё ремесло настолько полезным и интересным, что возвёл его в ранг высокого искусства. Одинаково ярко и аргументировано он доказывал диаметрально противоположные утверждения. На любой вопрос имел несколько точек зрения – всё зависело от того, с кем он разговаривал или для кого писал. В физике это естественное поведение частиц, лежащих в основе материи, называют “эффектом наблюдателя”. При этом Савва никогда не кривил душой, ибо собственных убеждений у него никогда не было.

В мозгах, регулярно питаемых алкоголическими электро-

литами и усиленным деликатесным питанием, по аксонам и дендритам неслись и падали стремительным домкратом слабые электромагнитные импульсы, порою завиваясь в лженаучные торсионные вихри, а где-то и образовывали тихие заводи с омутами, в которых водились воображаемые, но от этого не менее реальные и пугающие черти.

"Кто я такой и что я тут делаю? – Савва остановился и осмотрелся. Сзади чернелся его Роллс-Ройс, впереди серелся переулочек, перекатывающийся через Остоженку как Днепр через пороги. – За каким хером меня сюда принесло? Освежиться, что ли?". Савва полез за пазуху, достал плоскую фляжку и хлебнул коньячку. Это был Курвуазье вэска немногочетней выдержки, потому что с утра Савва любил что помягче. Ему захотелось шампанского. И ноги сами понесли назад, по переулочку, мимо Роллс-Ройса, свернули налево, на Пречистенку, и понесли в ближайшую "Азбуку вкуса Дэйли", что в Чистом переулочке у резиденции Святейшего. Там он достал из холодильника бутылочку брютта, сброженного традиционным способом. Какая-то испанская кава, вполне себе кислующая дрянь, но ни Вдовы Клико, ни Мумма, ни Крюга в холодильнике не завалилось. Тут же, прямо у магазина, Савва хлопнул пробочкой в Небеса, распугав ангелов-хранителей, и стал глотать прямо из горла. Неприятностей он не боялся, он сам был неприятностью. В носоглоточку ударили дробненькие и колюченькие пузырьки. Лао-цзы,

невесть откуда взявшийся в саввиной голове, громко отпрыгнул саввиным ртом: "Ой, бля, понеслось!" Савва почувствовал спазм, сбил слюну, утёрся меховых рукавом и сказал Лао-цзы: "Отпустило. Отъебись." Но Лао-цзы не ушёл. Не по-даосски он поступил – вошёл в лимб, коварно передёргивая даосский же принцип "чтобы отпустить, надо сначала прихватить". И точно, Савву прихватило – у него скрутило живот, дико захотелось какать и свовокупляться одновременно. Член в штанах с некоторым энтузиазмом привстал: – "Только тебя, сука, не хватало!"

Савва, подобрав длиннющие полы своего пальто, засеменял обратно в Лопухинский переулок к машине. Но у машины у него начал размыкаться самопроизвольно сфинктер, и Савва зажал задницу пальцем. "Мне пиздец!" – тихонько пожаловался сфинктер Савве, – "не удержу!" Ателье и кофейня в торце Пречистенки 13 были ещё закрыты или ещё не открыты, там облегчиться Савва не мог. Полетев вниз по переулку, он вломился в какой-то реставрируемый особняк, пробежался по пустым комнатам, расстегивая на ходу замысловатые свои портки. Скинутая по-царски шуба осталась висеть правом рукаве, потому что правая рука душила за горлышко бутылку шампанского. Не успев даже сесть на корточки, лишь нагнувшись, струей как из говномета саввино нутро обдало стены. Савва вздохнул, выдохнул, и обдал стены ещё раз, со стоном дикого облегчения: "Слава тебе, Гос-

поди!"

Член продолжал стоять, яйца распёрло до лопанья, так хотелось трахаться. Савва глотнул шампанского, поставил бутылку на пол и освободившейся рукой передёрнул затвор. Оргазм был такой сильный, что струя семени добила до другой стены, и повисла на ней мутной каплей. Теплая волна кайфа так ударила в голову, что комната поплыла перед глазами, закружилась и ударила плашмя сначала необосранной стенкой, потом перевернула потолок, а затем вывернулась наизнанку, вовлекая Савву в какой-то пространственный штопор, вместе с вулканирующей пеной бутылкой шампанского, за которую, как за точку опоры, норовил удержаться наш засранец.

Савва как будто лежал в кровати. Голый. Руки и ноги были привязаны к спинке кровати. На нём верхом сидела златокудрая синеглазая голая нимфетка в красном капоре. Девушка скакала на саввиной цюцюрке, туго перевязанной у основания, уже синей от застоя венозной крови. Нимфетка надевалась на член то эпилированной киской с игривой полосой золотистых волос, то вишнёвой попкой. Роскошные стоячие сиськи третьего размера колыхались в такт. Савва стонал, но не от удовольствия.

– Хватит уже меня драть, не могу больше.

– А я могу. И буду, буду тебя драть.

– У меня конец онемел!

– Твой хер мне по херу.

– Откуда ж такая ебливая?

– Такой меня создал мой Господь Бог. Ты!

– Я?

– Ты что, меня не узнал? Я Красная Шапочка, которую ты придумал. В меня поверили тысячи твоих читателей. Вот она я, лярва, ожившая верой тысяч людей.

– Ослабони. Не то отвалится.

– Ладно. Тогда буду тебя трахать в жопу. Кто писал, что Красная Шапочка считала, что если её когда-нибудь заебут до смерти, то она попадёт в сексуальный в рай? Где вечная ебля, оргазм каждые десять минут? Перерывы на обед из афродизиаков с двух до четырёх. “Вечно сквиртующая”, написал ты эпитафию на моей виртуальной могиле. Или не так?

Савва кивнул и заскулил. Красная Шапочка слезла с него, развязала узел, пососала и помяла онемевший журастик. Савва пытался разглядеть, что стало с драгоценным дружком, но мешало вздувшееся пузо. Он испытывал недоумение, растерянность и некоторый ужас, но не ужас-ужас. Силился вспомнить, как сюда попал. В его пятидесятилетней плюс-минус жизни немало накопилось случаев, когда он оказы-

вался поутру неизвестно где и неизвестно с кем. В каких-то обителях или на каких-то пажитях с какими-то тётками. При этом не вспоминалось ничего. Порошки-дороги, абсент, текила и ром, смешанные с водкой и ликёрами, сигарами взятую, крошили память на фрагменты, а потом стирались и они. Единственное, что он знал наверняка: я не агрессивен, когда нажрётся, и в целом веду себя прилично, разве только норовлю присунуть каждой даме. Последнее, что он помнил на этот раз – опохмел у "Азбуки вкуса" и дикие позывы по-большому. Потом чужой дом, где обои в цветочек, потом ничего. Нет воспоминаний о прошлом. Только о будущем. Вспомнился Роллс-Ройс. Не расхерачил ли где-нибудь? Вроде сильно пьяным он никуда не ездил. Успокоился. Раз его трахает роскошная тёлка, а не мусора допрашивают в околотке, то всё ништяк. Накидался до беспамятства, слава Богу, не сдох в канаве, прочухался. Пока он думал эту мысль, какой-то скользкий и не очень толстый предмет втиснулся болезненно и гладко в прямую кишку, отчего опять возник нестерпимый позыв. Это Красная Шапочка, посасывая, немилосердно, но умело всадила в тыл дилдо.

Вдруг в сознание Саввы вспыхнуло, что как-то всё не так. Но неопохмелённый ум никак не фокусировался и не концентрировался, а потом из чресел волнами покатали весьма захватывающие ощущения. Дилдо елозило по кольцеобразным мышцам сфинктера. Массаж простаты изнутри ощу-

щался болезненным. Но не так уж чтобы неприятно. Эро-
генная чувствительность возникала из ниоткуда, из каких-то
недр утробы. И наслаждение из непонятого источника на-
растало экспоненциально, мешая сосредоточиться. Ударная
волна сильнейшего оргазма пошла от иссосанной головки
члена и размятого ануса; оргазм этот, как взгляд Медузы
Горгоны, привёл к оцепенению. Последнее, что ощутил Сав-
ва, проваливаясь сам в себя, это ужас от озарения: над ним
не было ни потолка, ни стен по бокам, ни пола под кроватью.
Красная Шапочка трахала Саввушку на ложе, которое нахо-
дилось нигде, покачиваясь и поскрипывая в молочно-белой
матовой бездне. Ни источников света, ни теней, ни верха,
ни низа, ни лева, ни права. Они сношались в нигде, и кроме
этого сношения, больше во Вселенной ничего не было.

Фрагмент из набросков к книге Саввы Маренова "Учеб-
ник цинизма"

Мысленные заметки к главе № 1 "Главное – не быть бед-
ным"

Самое страшное, что может случиться с человеком – это
быть простым населением. Нищим бесправным быдлом. Тут
надо будет дать цитату, выбитую ещё на каком-то итальян-

ском средневековом банке, что человек без денег бессловесной скотине подобен. Как бы так деликатненько написать, что без бабла ты даже прокуратуре не интересен? Чтоб не особо обижать долбоёба-читателя? Нормальные люди мой опус читать не будут, оно им не надо. Им и так всё понятно.

Но вот как написать неоскорбительно, что все книжки про разбогатеть – полное говно? Наебалово, где нищие подлецы распаривают нищих лохов. Выщипать из голодных и обездоленных три сраные копейки? Отниму-ка я у людей надежду. Это нехорошо, зато цинично. Назвался циником – говори правду. Циник – это тот, кто говорит правду как она есть. Про себя, про других, про жизнь.

Какие мужчины больше всего нравятся женщинам? Есть только один правильный ответ – состоятельные. Бредятина про красивое тело, про умение слушать, про помогать, что там ещё пишут недоделанные психологи и пикаперы – это полная и абсолютная хрень. Любая баба даст тому, кто будет на неё тратиться. Или она будет надеяться, что на неё потратятся. Даст тому, кто ей умело по ушам пройдётся, дескать, у меня бабки и перспектива по жизни есть. К этой лапше прилепляешь слова про большую и чистую любовь, и даже самая прожжённая и крученная баба на эту разводку покупается. В моей практике работало безотказно, переёб кучу недоступных красавиц.

Про источники богатства. Надо написать, что гониво про откладывать деньги от зарплаты и инвестировать в ценные бумаги – полная поебень. Разве только в качестве заначки. На этом не разбогатеешь. Сколько сейчас в Москве зарабатывает среднестатистический лошок? Тыщу баксов? Хер знает, у меня таких в окружении нет. Но допустим. Если он жрёт не полное говно, а половинчатое, и у него есть пара иждивенцев и квартира, то ему тупо не хватает трусы новые себе купить. Да гандоны купить проблемно. Что он может отложить на чёрный день? У него и так хронический чёрный день. У него вся жизнь сплошной чёрный день! И как вылезти? Заначть тыщу рублей в месяц и вложить десять баксов в миллионную долю от биткоина? Это как надеяться стать миллиардером, выключая за собой свет в сортире.

Лично я зарабатывал приличные сравнительно деньги на воровстве и откатах, на заказных статьях и присвоением результатов чужого труда. Все, у кого есть серьёзные деньги, их где-то как-то у кого-то спиздили. Не знаю ни одного приличного человека при деньгах, чьё состояние было бы нажито честным трудом.

Не знаю, что такое честный труд. И знать не хочу. Написать ли тут про личное, что я всегда был тунеядцем, несгибаемым таким тунеядцем, сознательным паразитом на теле об-

щества? Не будет ли такое признание уж слишком большой откровенностью? Это же учебник, а не исповедь социопата. Ну хорошо, я аморален. Я про себя всё понимаю. Кроме баб и бабла меня мало что ебёт. Разве только часы и тачки. Ну, наука там, теология, вопросы экзегезы и эйзегезы, герменевтика... Но это всё херня по сравнению с бабками и тёлками.

С другой стороны, Сократ был чистым трутнем, как и я. И все киники, Антисфен, Диоген и компания – все были тунеядцами. Ну, Платон был из богатой семьи, Аристотель был гувернанткой у Македонского. Досократики точно нигде не работали. Ну, а взять философов последних лет. Хоть Делёза, хоть Фуко, да любого постмодерниста. У них же во Франции кафедра в универе – чистая синекура. Никто не напрягается, так, попиздят языками, попишут корявые каракули, и бухать. А считается, что люди трудятся. Я тоже пишу. Языком на жизнь себе зарабатываю. Но про себя не считаю, что тружусь. Развлекаюсь. Стебусь над клиентелой. Стебусь над всеми. Мало кто это догоняет.

На хера я взялся писать эту книжку? Правда неприглядна, ложь бесполезна. Какой я циник, если говорю неправду? Ведь я на самом деле только на словах тунеядец, а в реальности упыхиваюсь каждый день, пишу с утра до вечера; вечером нажираюсь вдрызг, а утром снова работаю, только никто не видит этой работы, все думают, что я баловень, что у меня

всё легко и гладко, и что я богат. Нет, не богат, просто иногда сдрючиваю бабло, а активов нет никаких. Ну вот что я могу написать про богатство? В правду никто не поверит, да и какой совет тут я дам? Вотрись в доверие, выщипай доверившегося до подпушка, даже чтоб из жопы у него ни одного пера не осталось торчать? Как этим недоделкам объяснить, что ловкое мошенничество – высшее проявление ума и таланта? Что ещё им написать? Живи на понтах, понты дороже денег? Никому нет дела, что там у тебя в кассе на самом деле, главное – не побирайся, не занимай и не проси денег у друзей. Написать, что у нищих друзей и слуг нет? Что нищие даже своим детям на хер не нужны? Что самое ценное в "Мертвых душах" прочили Гоголя – это наставление отца юному Чичикову: береги копейку, потому что только она одна твой истинный и верный друг, который не обманет и не предаст? Интересно, будут ли лохи покупать мою книжку? И что напишут рецензенты? Что автор – конченный барбос и тварь, каких мало, потому что на самом деле люди срут фиалками, все друг друга любят, ценят, уважают и никогда не объёбывают. Кореша мои не обидятся, они все сами такие, как я, а вот вся пиздота никчёмная будет выть: мы думали, что нас за людей держишь, а на самом деле мы для тебя перхоть подзалупная. Да по херу, что они там себе подумают. Заебали все. Съебусь на Корсику. Мечта моя – сидеть в тёплой воде, сосать водку и пердеть в море. И пошли все на хуй, я один-одинёшенек на планете Земля...

Так какой совет дать лохам? Только два ценных совета, один настоящий, другой стоящий. Настоящий совет – если ты лох, то иди и удавись, не мучай себя и окружающих. Стоящий совет – создавай активы, это единственная возможность разбогатеть сравнительно законно. А активы – это.... Пусть сами думают и узнают. Если кто из интересующихся богатством не знает, что такое активы, то на хера ему богатство?

Савва открыл глаза и не увидел ничего, потому что на нём была какая-то маска. Он хотел было сказать что-то, но во рту был кляп. Он замычал и тут же получил хлыстом по голой спине. Он стоял раком. В заднице в него было дилдо, прикрепленное ремнями к бёдрам Красной Шапочки. Барышня совершала фрикции. Одной рукой она больно перебирала яйца Саввы, мяла их весьма немилосердно. В другой руке у неё был хлыст, которым она стегала Савву, если начинал мычать. Сава вывернулся и сквозь щель в маске краем глаза увидел ненасытную злюку. Всё та же. Во рту Красная Шапочка держала сигару. Время от времени этой сигарой она прижигала саввину задницу. Тот взвизгивал, выгибался, мычал, получал хлыста и замолкал. Диалога не получилось. Савва кончил с острой болью в мошонке и вырубился.

Фрагмент из набросков к книге Саввы Маренова "Учебник цинизма"

Мысленные заметки к главе № 3 "Как одеваться"

Сколько идиотов высказалось на эту тему! В реальности размусоливать нечего. Совет один. Одеваться так: если пострже, то подороже; если вульгарней, то пошикарней. Как учил нас великий развратник Чехов: в человеке всё должно быть прекрасно – и часы, и запонки, и ботинки.

Всё, что сшито на заказ, будет правильно.

Что такое хорошо одетая женщина? Та, которую сразу хочется раздеть и поиметь.

Что такое хорошо одетый мужчина? Это к которому сразу начинают подкатывать мужики и бабы. Мужики – чтоб втереться в доверие и выщипать. Бабы – чтобы он их оприходо-вал и взял на кошг.

Стоит ли колотить понты? Разумеется, смотри главу №1. Это необходимое условие жизненного прорыва в те сферы, где не надо работать, где все перед тобой на четвереньках

будут ползать, а ты на них будешь плевать. Богатого и шикарного все хотят. Мужчины будут жадно ловить твоё слово ушами. Женщины будут жадно ловить губами твой писюничик. А при чём тут одежда? При том, что по одежке встречали, встречают и будут встречать.

Главный критерий красоты и качества – цена. Дешёвая вещь не может быть красивой, она может только смотреться красивой, как уёбищная девушка в профессиональном макияже. Хорошо поработали визажисты, девушку таки выебали, но как грим смажется, так сразу ёбарь кричит от ужаса и сливается. .

Может ли мужчина носить кольца, браслеты и прочую хуйню? Нищий может. Богатому зачем? Если может позволить часы за сто пятьдесят тысяч долларов, то на хера бранзулетки? И так всё ясно, кто ты такой. Сшитые костюмы из двести двадцатой шерсти, сшитые шелковые сорочки, сшитые галстуки в семь слоёв, сшитые по ноге ботинки, бриллиантовые запонки, часы с турбийоном и репетиром, Бентли или Роллс – кому ещё что нужно доказывать? На хер ему кольца, кроме обручального и пинки-ринга с фамильным гербом? Если он не папуас и не подражает рэпперам?

Хорошо содержать и одевать приличную женщину намного дороже, чем поёбывать шалав и проституток. Чем поря-

дочнее и приличнее красивая женщина, тем дороже она обходится.

Когда нет денег, то начинают говорить о вкусе. Когда нет ни денег, ни вкуса, одеваются во всё чёрное.

Савва лежал на полу, на столетнем дубовом паркете, со стен тянуло говнецом. Жопы была голой, обдристанной, белела из под норковой шубы, потому что Савва лежал на боку, и смотрел в свою блевотнину. Правая половина тела не слушалась, но Савва этого ещё не понимал, так же и как место, в котором он находился, он не понимал. Что-то на стене, какая-то капля, привлекла его внимание, но глаза не наводились на резкость. Лево́й рукой в кармане шубы он нашарил очки и вытащил их, трясущейся рукой нацепил на нос. Очки были прекрасные, из черепахи, от дома Maison Bonnet, модель Opassis 1970, Савва сделал из на заказ в Париже, они обошлись в двадцать тысяч евро. Капля оказалась застывшей Саввиной спермой, висевшей посреди радужного пятна от отражённого и преломленного каким-то брошенным на подоконнике хрустальным графином.

В мозгах наступила ясность, но мысли продемонстрировали слабость. Говоря языком ипподрома, мысли-лошади по-

неслись, продемонстрировав резвость, близкую к девятой. Бег их внезапно остановился, глаза закрылись, лимбический контур выдал ездоку предупреждение. Левая рука полезла в потайной карман дизайнерских калифорнийских брюк "Потомок воров", экземпляр №149 из лимитированной серии в 150 пар. Пальцы искали плоскую пилюльницу Cartier с кокаином, нашли и выронили, кокс высыпался и смешался с блевотиной. Лимбический контур сказал негромко, но отчетливо: "С приехалом, мудака! Допрыгался!"

На холодном полу Савве вспомнилось-пригрезилось. Вот он приходит домой из детского садика, побрякивая мелочишкой, и складывал столбиками в потайном месте, чтоб, поднакопив, обменять в булочной на бумажные рубли. Он выписывал маме чеки, и давал деньги в долг под проценты. Ранние семидесятые, на дворе коммунизм, но уже на первом десятке жизни еврейские гены вступили в непримиримую схватку с фашистскими. Мама как-то не отдала шестилетнему Савве отдала крупную сумму денег, которую он собирал. Мелочью, по десять-пятнадцать копеек целый год, менял мелочь на жёлтые бумажные рубли, рубли на зелёные трёшки, трёшки на синие пятерки, и, наконец, две пятёрки он обменял на красный советский червонец с Лениным. Дал маме в долг на лето, с условием, что отдаст одиннадцать, и она не

отдала. Савве надо было идти в первый класс, и ему нужны были эти деньги. Савва разочаровался в человечестве вообще и еврействе в частности. Как раз вышел фильм “Семнадцать мгновений весны”. Штирлиц Савве не понравился, он счёл его туповатым. А вот Мюллер зашёл, как родной. Шеф гестапо оказался душкой и умничкой. Савва не знал, что артист Броневой был евреем, и что саввино нутро это считывало, но детский ум не мог это осознать. Он решил стать группенфюрером СС. Он изготовил из бумаги и конфетной фольги Железный крест с дубовыми листьями. Белая сорочка у него была, нейлоновая, с двойным французским манжетом. Запонки и узкий черный галстук он пошёл у отца. Не было только чёрных галифе и португеи. Пластмассовый парабеллум кто-то из друзей семьи привёз из-за границы. Савва, за неимением кобуры, носил его в трусах, белых, мама купила по случаю роскошные индийские мальчиговые трусики из белого хлопка, а ля трусы Jockey. Такие все ещё носят белые мужчины upper middle class в Соединённых Штатах. Когда Савва жил в Америке и записался в фешенебельный спортклуб, то был приятно удивлён: все белые мужики в раздевалках были в беленьких брифах. Ещё ему бросилось в глаза, что ни на ком не было татуировок. Савва сам терпеть не мог татуаж – зачем портить то, что Господь Бог хотел сделать совершенным, особенно женские сиськи и задницу? “Безумие, чисто безумие!” – прошипел Савва, когда одна половинка мозга вспомнила про татуировки. “Да ладно тебе,”

– говорила другая половинка, демонстрируя букву “шин” на стыке пениса и мошонки. “Да пошли вы оба!” – говорил обоим полушариям Савва, вспоминая, как он допрашивал белых мышей в виварии у мамы на работе. Ему была неприятна его детская жестокость. Он гнал от себя эти воспоминания. Несмотря на то, что он считал себя циником, страдания живых существ были для него неприятными, даже болезненными. Из макраме он сплёл себе эсэсовский погон на школьной форме в первом классе. Но потом его стали дразнить жидом, и из жёлтой ткани он сделал себе две шестиконечных звезды, написал на них Jude, пришел на школьную форму и в таком виде заявился в школу. Был скандал, его больше не дразнили, но бойкотировали и смотрели с ненавистью. Савва не знал ещё ни про Бабий Яр, ни про погромы, ни про Холокост, ни про Израиль – советская власть эти вопросы обходила, но Савва чувствовал, как от окружающих исходят флюиды неприязни, когда выясняется, что он принадлежит к гонимому отовсюду племени. Когда ему рассказали первый раз про Холокост, он сказал: “Так чего вы сопли жуёте? Давайте убьём всех немцев!” Родители только посмотрели на него и вздохнули тяжко.

Какие-то ноги в мягких белых туфлях подошли в Саввиной голове и остановились перед блевотиной, припорошен-

ной порошком. Савва закрыл один глаз, чтобы внимательнее их рассмотреть, ибо в глазах двоилось. Но глаза не наводились на резкость, даже будучи закрытыми.

– Либо Репетто, либо Берлутти, – просипел Савва. – Если Берлутти, то та модель, которая вдвое дешевле тех, что с каракулями. Чьи это каракули? Забыл. Но если это Репетто, то тогда это Серж Генсбур.

– Умён, сучонок, всегда умён был, – ответил Серж Генсбур.

– Это Римский всегда умён был. А я мудака. Мудака был, мудака есть и мудака буду, если не сдохну. Тогда буду дохлый мудака.

– Отдыхай! Курнёшь Житанчику? – Серж раскурил термоядерный Житан, присел на корточки и сунул сигарету в рот Савве.

Савва затянулся, но не глубоко, потому что дышать было как-то тяжело. Тело не слушалось. Из глаз текли слёзы.

– У меня такое чувство, что я подыхаю, – пожаловался он Сержу.

– Понимаю, сам подыхал несколько раз. Се ля ви, мон шер ами.

– Слышь, Серёга, как такого классного чувака можно было назвать Люсьеном? Меня этот вопрос всегда мучал. Скажи, а?

– Дикие жида, Савва, хорошие люди, но дикие жида мои родители, хоть и приличные люди из России. Хотели добра.

– Мои такие же приличные, хотели меня назвать Мордехаем, а дед – Гадам. Но спасибо советской власти, втиснула их в рамки приличий. Серёг, ты же умер?

– И что?

– Да так, ничего. Просто к слову пришлось. Спой Марсельзу свою, а? Муторно мне, брателло! Спой!

С неба заиграла музыка, ангельское регги, настоящая музыка сфер. Серж забурчал свой речитатив, а хор херувимов и серафимов на подпевках нежно подвывал в такт. Савва заплакал от переполнившей его радости и благодати. "Надо было ещё больше трахаться", – почему-то подумалось ему.

Жопа чесалась. Но тело не слушалось. "Буду страдать, – решил Савва. – Надо отвлечься. Что там моя пьеска? Может, написать, как Красная Шапочка увлеклась революцией и стала Розалией Землячкой? Метаморфоза всегда интересна. Хорошая девочка из аристократической французской семьи становится пламенной еврейской революционеркой и уничтожает цвет русских аристократов, лично отрезает царским юнкерам гениталии, выкалывает глаза, топит благородных белых офицеров баржами?"

Савву давно занимали секреты драматургии. Он считал,

что толком пьес никто писать не умеет, потому что они либо скучные, либо нудные, либо просто бездарные в силу безынтересности. Театр он не особо любил, потому что там нафталин и тоска, а его смелые пьесы никто ставить не хотел. Даже читать не хотели. Савва считал театралов мудачьём. В принципе, он всех считал мудачьём. Себя включительно, ибо был очень умён и ни на чей счёт не обольщался.

Фрагмент из ненаписанной пьесы Саввы Маренова "Красная Шапочка и все-всё-вся"

По скрипучей разохшейся лестнице поднимается грузная мужская туша – пузатая, небритая, несвежая, с красными глазами и стучится в закрытую дверь на втором этаже французского деревенского дома.

– Открывай, мелкая блядина! (сиплый баритон)

– Кто там? (нежный девичий голос)

– Это я, твой неродной папа!

– И какого хуя надо неродному папочке?

– Пришло время утреннего отсоса!

– А не пошёл бы на хуй мой неродной папА?! (В слове папа ударение на последнем слоге, на французский манерный манер).

– Я тебе дам золотой луидор!

– Сунь под дверь. Я подумаю.

– Сначала отсос!

– Деньги вперёд! Или соси себе сам!

– Доченька, любимая, кровиночка не моя, ты же знаешь, как папА любит тебя!

– Знаю! Всю жопу мне вчера разодрал своей любовью!

– Ну прости, детка! Открой!

– Иди к мамаше! Она отсосёт!

– Она уже пьяная! Лыка не вяжет.

– Ну так выеби её!

– Я брёвна не ебу!

– Иди козу выеби!

– Ах ты сучка! Я что – развратник, по-твоему? Я порядочный человек, я школьный учитель! Ну хоть подрочи мне!

– Сам себе дрочи!

– Ну и хер с тобой! Попроси у меня что-нибудь!

– Да на хуй ты мне сдался, нищесброд, приبلуда хуева!

Вали отсюда, пока не шмальнула! (За дверью клацнуло ружьём).

– Ну ладно, ладно, я пошёл на работу, детей учить пора!

Разумному, доброму, вечному!

Грузное тело свалилось вниз.

Эпизод первый.

Помятая и потасканная, но всё ещё роскошная женщи-

на, мама Красной Шапочки, печёт пирожки на кухне Gullo. Рядом на столе в корзинке сидят премиленькие котята. Маму зовут герцогиня Франсуаза де Монморанси дю Плесси. Франсуаза достаёт котят по одному, бьёт по загривку монтировкой, подвешивает на крючок на раковинной, делает надрезы на задних лапках и чулком сдирает шкурки. Шкурки летят в тазик, а сами тушки ложатся на стол, где филейным ножом отделяет мясо от костей. Мякоть бросается в мясорубку Miele, откуда выходит изумительный кровавый фарш. Потом слегка обжаривает фарш, добавляя стружку из чёрных трюфелей и немного винца Batard-Montrachet. Время от времени сама отхлебывает из этой бутылки, запивая вином коктейль “Зелёная фея на стероидах”. Это её изобретение: в зелёный абсент, настоящий ещё дополнительно на эстрагоне, лаванде и гвоздике, капается немного Ангостуры, вливается зелёный дынный ликёр Midori, выдавливается долька лайма, трясётся в шейкере, выливается в стакан Хайбол со льдом, заливается энергетиком, сверху кидается свежесрезанная спиралькой лаймовая корочка. На стоящей рядом серебряной тарелке лежат пустые раковины от жирондских устриц, лимонные корки, среди них дымятся сразу две сигареты – французский Галуаз и японский Мёбиус. Франсуаза затягивается то одной, то другой. Весь стол в крови, из невидимых динамиков играет Гриша Соколов, Французская увертюра Баха.

– Григорий, блядь, куда ты так торопишься, на хуй? Кто

так, блядь, играет, на хуй, Баха? Сири! Сири, блядь! Рихтер ре минор, на хуй!

Сири послушно включает Рихтера.

– О, блядь, другое, на хуй, дело!

Герцогиня ценила только русскую фортепианную школу: Левина, Рахманинова, Софроницкого, Гилельса, Рихтера и Григория Соколова. Сама она тоже музицировала, считая своё исполнение “Гольдберг-вариаций” выше всяких похвал; однако она предпочитала их исполнять на клавишине Neupert, а не на своём концертном Бехштейне из вавоны.

Котята мяукают, но не особо жалобно. Так, для проформы. Их мяуканье навевало одну их самых любимых Франсуазой композиций – “Нежные вздохи” Рамо. Пирожки получаются маленькие, тесто бездрожжевой, непышное. Их мало, но запах божественный: мясо молочных котят похоже на мясо молочных крольчат. Ободранные тушки Франсуаза перемальвает в гильотине для измельчения костей и скармливает обвалку огромному мастифу, сидящему рядом. Он заискивающе заглядывает хозяйке в глаза.

– Потом, милый, мамочка тоже любит тебя, но только потом, когда дома никого не будет, – Франсуаза нежно чмокает псинку в носик. Пёс пускает слюни и виляет задницей.

На кухню входит папаша. Его седая щетина, двухнедельный муш, выкрашена в синий цвет.

– Доброе утро, Ваша Светлость, – приветствует он Франсуазу.

– И тебе, блядь, того же, тем же концом, сука, в то же отверстие, Ваше, блядь, Сиятельство, – герцогиня дю Плесси делает полуиздевательский книксен с полупоклоном, и пускает, – О, душа радуется!

– Смотри, не обосрись от счастья. Отраву кошеваришь?

– Нашей, блядь, бабушке пирожки, на хуй. Желаете похмелиться, господин, блядь, барон? Что будете пить? Шато д'Икем или сделать тебе, блядь, Манхэттен, на хуй?

– Вы очень любезны, сударыня. Лучше Кровавую Мэри. Только плесни туда табаски. На Серой Гусочке сделай, любовь моя, она помягче. А почему шкурки не выбрасываешь?

– Перчатки свои, блядь, лайковые, утеплять буду, на хуй. Лучше кошек, блядь, меха нету, на хуй. В тапки на стельки тоже заебись. Ты зачем ебало, блядь, синькой вымазал, хуй моржовый? Чтоб у меня там всё было как у птицы счастья?

– Так сегодня ж юбилей! Забыл точно, чей именно. Но лет шестьсот тому, в этот чудесный день, мой пра-пра-пра-ёбтвою-мать-пращур был задушен и сожжён за невинные шалости. Которых он не совершал. В память о покойном я покрасил бороду в синий цвет.

– Ах! Я, блядь, забыла! Ты ж у нас Жиль де Ре, двадцать первый барон Монморанси-Лавалей, на хуй. Простите, блядь, господин барон, великодушно, свою двоюродную сестричку, которую вы ебёте в хвост и в гриву, на хуй.

– Нам с вами, герцогиня, забывать такое непростительно, ведь мы оба носим славную фамилию Монморанси.

– Хуйси! Кого это, блядь, ебёт в двадцать первом веке? Ты, блядь, на хуя ребёнка разбудил, членистоногий? Ей, блядь, бабушке нашей ебаной пирожки нести, на хуй. А она уставши, недоспавши, непосрамши, малышка моя сладкая.

– Пусть несёт. И пусть побудет со старой каргой. Ей не мешало бы хороший манер набраться. А то ведёт себя как хабалка. Просто, прости великодушно за выражение, опизденела дочурка твоя.

– А где ей, блядь, хороший манер было набраться, на хуй? С тобой, блядь, что ли? Я её воспитываю, блядь, как фрейлину, на хуй, а ты своими, блядь, выходками, портишь мне, сучара, хорошую, ёб твою мать, девочку, на хуй.

– Я и говорю. Бабка наша хоть и из Бурбонов, но ещё помнит обхождение!

– Каких, блядь, Бурбонов, на хуй? Ты что, намекаешь, что она из испанских, блядь, Бурбонов, этих деревенских колхозников, блядь, на хуй?! Ты мне, пизда синюшяя, таких вещей не говори! Она, блядь, из Валуа, она континентальную блокаду пережила, у неё чердак, блядь, съехал, на хуй! В ней, ебать, течёт кровь настоящих Капетингов, Валуа и де Гизов, это настоящая, блядь, Франция, на хуй! А Бурбоны эти испанские – ёбань ёбаная, выскочки, высерки чёртовы, блядь, на хуй. Где ты в Испании видел породу? Эта ёбнутая на всю голову Альба, старая пизда? Ты нашу бабуку не слушай, она

тебе, блядь, скажет, что она вообще сраная Богарне, на хуй! Имей, блядь, уважение к старости.

– Это вы чего-то гоните, Ваша Светлость! Блокада при Бонапарте была, она ещё не такая старая.

– Кто, блядь, не старая? Бабка, на хуй, наша? Да ей триста лет, Ваше мудацкое Сиятельство.

– Ты опять грибами баловалась? Ты что несёшь?

Жиль машет рукой, спорить он больше не намерен. Франсуаза мешает ему коктейль, подаёт в бокале Lalique на серебряном блюде Christofle. И начинает складывать пирожки в корзинку Hermes для пикников, где уже не осталось ни одного котёнка.

– Ваше Сиятельство...

– Вообще-то я Высочество, хам трамвайный!

– Ваша Светлость, из корзины кошачьими ссаками тянет. Сударыня, простите мою назойливость, но, может, вот эту положите камчатную салфеточку с золотыми лилиями для старой княгини?

– Перетопчется, блядь, карга старая, на хуй! В пизду на неё добро, блядь, королевское переводить. У неё Альцгеймер, блядь, в прогрессе. Куртуазности ни хуя не сечёт, сука ржавая, блядь, на хуй. Хоть бы спасибо ребёнку сказала, тварь. Ей, сучке драной, теперь всё не так. Ебло будет воротить, рамсить, права качать. Ребёночку нашему, блядь, кровь

сворачивать, на хуй. Хоть бы колечко какое девочке подарила! Видал у неё рубин – голубиная кровь? Так нет же, удавится, она ж французенка, не русская.

– Но зато как карга держит спину! Какая осанка! Какая грация! Сейчас так не умеют.

– А толку, блядь, на хуй? Для кого, блядь, её держать, на хуй? Одна уравниловка кругом, сплошной быдлоган! Ненавижу демократию, просто ненавижу! Пятую республику, блядь, ненавижу, всю эту уличную шваль, блядь, ненавижу! Когда ж я уже сдохну, на хуй? Чтоб всего этого, ебаной свободы, равенства и братства, этих охуевших нищевродов, уже, блядь, никогда не видеть?!

Жиль обнимает Франсуазу и они оба плачут. Жиль посаживает из стакана свой Манхэттен. Франсуаза вытирает слёзы и докуривает свой Житан. Пёс виновато смотрит на них и поскуливает. Ему тоже не нравится демократия. Он вспоминает Неаполь и Королевство обеих Сицилий.

Савва внезапно выпал из кухни, где его душа подсматривала за семейной сценой между Франсуазой и Жилем. Он открыл глаза. Он всё ещё лежал на полу под норковой шубой, обосранный и облёванный. Руки и ноги не слушались. Генсбура не было. "За пивом пошёл," – подумал Савва и сно-

ва провалился неизвестно куда.

Савве внезапно пришло на ум:

50 миллилитров абсента

30 миллилитров Midori

Лёд, взболтать, добавить газировки, но чем дэшнуть и чем украсить? Кумкватом? Что сочетается с дыней? Ничего. Но чего же не хватает? А если вместо газировки налить ледяной брют? Мумм. Точно, Мумм, не Моэт, не Вдову Клико. Не переводить же трёхсотдолларовый Кристал на это пойло? Господи, как же сложна миксология, это вам не какая-то там сраная теософия...

Фрагмент из ненаписанной пьесы Саввы Маренова "Красная Шапочка и все-всё-вся"

На большой дисплее демонстрируется голая сухощавая старушка, которая что-то делает в ванной. У неё из причинных мест торчат красивые японские устройства. Голос за кадром комментирует наезды камеры и врезанные эпизоды:

Бабушку Красной Шапочки зовут Клер Ленуар Валуа де Бурбон, она носит синие очки-блюдца из делерекса от Atelier

Bougeat и не вынимает из себя две с половиной вещи – сигару Cohiba изо рта и электрический раздвоенный фаллоиммитатор – толстая часть жужжит и вибрирует в вагине, тонкая часть гоняет шарики по заднему проходу. Бабуля уважает пятидесятиградусный армянский дёготь “Двин”, считающийся почему-то коньяком. Когда в фаллоиммитаторе садятся аккумуляторные батарейки, бабулечка их меняет так же быстро, как перезаряжал бы Джон Уик магазины пистолета-пулемёта «Каштан» с глушителем, если б ему кто-нибудь его продал. На шее у неё золотой медальон от Фаберже, в котором две ценные вещи – камень с портретом графа Робера де Монтескью и крохотная стеклянная колбочка с гранулками рицина. Монтескью она уважает за три вещи: за древность рода, за высокий эстетизм и за то, что переспав единственный раз в жизни с женщиной, с актрисой Сарой Бернар, он потом блевал сутки напролёт от омерзения. Также бабушка Клер носит на безымянном пальце правой руки восхитительный сапфир падпараджа редчайшего оранжевого оттенка персикового пуха, под сапфиром находится ниша, в которую прячется гранула с рицином. Нажимая невидимую кнопочку на перстне, камень откидывается на полсекунды, чего вполне достаточно, чтобы ризин выпал в чей-нибудь бокал.

У бабулечки пистолеты-пулемёты «Каштан», целых два. Равно как и два «Стечкина», и две «Гюрзы». Она также

пользуется Снайперской винтовкой Драгунова и автоматом «Вал». Бабуля подрабатывает чистильщицей, подбирает говно за киллерами и зачищает самих обосравшихся киллеров.

Бабуля увлекается пауэрлифтингом и крав-магой. Она также тренируется по методу Чарльза Бронсона. Была бы помоложе и погибче, стала бы чемпионкой Франции по паркуру. Изящная, в шапокляке с вуалеткой от William J, с тремя заточенными спицами в причёске, в Givenchy и Balenciaga, в винтажных вещицах Сен-Лорана, Эльзы Скиапарелли и Молинэ, в мягких балетках Repetto, с большой крокодиловой кошёлкой Биркин и трёхгранным стилетом в букетике пармских фиалок. В кошёлке всегда лежит граната Ф-1 на случай обороны и РГД-5 на случай наступления. Бабуля за две с половиной секунды заваливает пятерых тренированных мужиков, стреляя с двух рук. За это она получает сто пятьдесят тысяч швейцарских франков, которые тихо оседают в неприметном банке Женеве. Официально она числится консультантом по эротике в нескольких венгерских порностудиях. Иногда снимается в роли неистой престарелой минетчицы. У швейцарских кальвинистов-банкиров вопрос происхождения средств никогда не вставал – при открытии счёта их вытошнило несколько раз от просмотра высокого искусства членососания и аннилингуса. Старушка Валуа де Бурбон устроила самопрезентацию, дабы избежать обвинения в легализации доходов, полученных преступным путём. После

бабушкиного самопиара члены у кальвинистов не вставали две недели, а при мысли о сексе их мутило.

Вот этой-то милой старушке и несёт сейчас пирожки Красная Шапочка. На текущий момент божий одуванчик пилит болгаркой замороженный труп в гидромассажной ванной Villeroy and Boch. Филейную часть, то есть задницу, бабушка срезает самурайским коротким ножом кусунгобу, чтоб полакомиться нежными тефтельками. Глаза же она вырезает ножом-гарпией от фирмы Spyderco, потому что в подвале у неё целая коллекция заспиртованных глаз в колбах. Мужские тестикулы она сушит в том же подвале на верёвочках, и употребляет их на манер бобровой струи в своих парфюмерных упражнениях, вместе с амброй, цибетином и мукусом кабарги. Она добивается идеальной основы для своих духов. Она мечтает об идеальном букете франжипани, кожи, мха, белого уда, цветков табака и пачулей. Мужчина, которого она распиливает, разочаровал её как слабый любовник. Она выписала сексуально озабоченного, молодого белого извращенца, охочего до старушачьих кошельков, из Балтимора, штат Мэриленд, Соединённые Штаты Америки. Она находит себе молодых жадных самцов через социальную сеть для старичков. Разделяемый покойный был не совсем не стар, очень даже молод. Но умер во время игр с асфиксией: бабушка подвесила его на ремнях, потом стянула петлю на шее, чтоб асфиксионная эрекция стала каменной. У ебариш-

ки не выдержало сердце, острый приступ стенокардии и инфаркт. Бабушка сама это проверяет. Она не стала бы лакомиться удавлениной, ибо она истовая католичка, она молится и крестится, отрезая пенис и вынимая тестикулы из мошонки. Сердце с лопнувшей аортой лежит рядом, в раковине той же замечательной фирмы. Голова стоит на полочке, у неё всё ещё выпучены глаза и высунут язык. Клер отрезала голову строго по странгуляционной полосе. Она ещё не решила, что будет с ней делать – то ли высушит и сделает себе очередной мокомокаи, сувенир на память, то ли сварит, снимет мясо, язык съест, мозги съест, глаза сохранит, а из черепа сделает себе либо ночной горшок, либо пепельницу, либо конфетницу, отдав знакомому ювелиру. Может, в глазницы диоды вставить, будет ночничок, если вставить витражные стеклышки от Тиффани? Она берёт голову и целует в губы, как бы на прощанье. Она очень добрый и жалостливый человек, когда не на работе.

Устав, бабушка пьёт шампанское Krug. Всё-таки годы берут своё, как не жми 120 кило от груди при весе 60. А потом, нагая, ложится спать в палисандровый гроб с электроподогревом. Она засыпает под «Элегию» Рахманинова. Она любит всё русское, особенно водку и оружие. Она чешет свой лобок, на котором окрашенные в алый цвет короткие густые волосы волосы выстрижены серпом и молотом.

Савва мысленно порекомендовал ей засыпать под мессы Жана-Франсуа Лесюёра.

Если 30 миллилитров абсента смешать с 50 миллилитрами Куантро, встряхнуть, вылить в лёд и залить газировкой Перье – то хорошо ли будет? Оттенит ли ощущение горчинки, если закусить это всё вяленой афонскими монахами оливкой? Вот же в чём вопрос. Господи, как же это непросто! Как сложно миксовать в уме вкусы и послевкусия. Краски или слова гораздо проще. Савва мучался. Даже застонал.

Фрагмент из набросков к книге Саввы Маренова "Учебник цинизма"

Мысленные заметки к главе № 7 "Как трахаться"

Никто и никогда не учит мужиков сношаться, но при этом все считают себя доками и профессионалами. Индийская «Кама Сутра» – примитив, старьё. И хороший секс не сводим в позам для соития.

Основа хорошего секса – мощное либидо здоровых и вы-

носливых мужчины и женщины. У мужчины должен наблюдаться твёрдокаменный стояк – это когда член наливается кровью до состояния тяжёлого камня. Который как бы на гибком жгутике приторочен к лобку. У женщины же должны набрякнуть и раскрыться половые губы, и влагалище должно налиться соками, и пускать эти соки, выбрызгивать смазку.

Тотальное большинство дуралеев обоих полов трахается недостаточно возбуждёнными гениталиями. Особенно женщины. Отсюда неудовлетворённость не только половой жизнью, но и жизнью вообще.

Чтобы женщина дошла до состояния сквиртования, сначала ей нужно как следует проехаться по ушам, потом понезить эрогенные зоны, потом как следует отлизать. Но нежно, потому что клитор можно натереть даже языком. И вставлять ей свой обмылок следует после первого оргазма, тогда влагалище будет буквально всасывать член. И тогда тётя становится гутаперчивой, её можно фиксировать в совершать столько фрикции и в таких фантазийных позах, что никакому свиноёбу из Страны Бхарат и в голову бы не пришло.

А самый лучший афродизиак, помимо власти и денег – это уважение, надежда и любовь. Хотя бы временная.

Савва задумался: если я сейчас сдохну, о чём больше всего буду жалеть? О том, что не отлизал Ахматовой и Цветаевой. Сказать такое никому нельзя, сочтут вульгарной пошлостью. А ведь эти великолепные тонкие женщины были неёбанными как следует. Кто там мог ебать Ахматову? Невротик Гумилёв? Алкоголик Модильяни? Или эти ботаны и чушкари никчёмные, её следующие мужья? Или рыжий доходяга Бродский? Да и тот бы уже не полез на неё. И наглости не хватило, и предрассудки. Наверняка посчитал бы зашарашить Ахматовой святотатством. А ей хотелось таракаться. И пить водку. И смеяться заодно с молодыми ребятами, тискать и сосать молодецкий член. женщина расцветает, когда её хорошо кормят и ебут со всей любовью. Бабку просто-напросто недоебали, недонежили, недоцеловали. Вот она и сдохла грузной жирной старухой, а могла быть такой же сексапилочкой, как Плисецкая в восемьдесят лет. Майя Михайловна понимала толк в этом деле. Многие хорошо сохранившиеся женщины в этом возрасте признавались Савве, что ебаться хотят так, что зубы сводит. И это правильно. Гормоны – это жизнь.

Несчастливая Цветаева. С кем только не спала, чтоб хоть кто-то ей лизал. Любила она это дело. Не могла без этого. А Эфрон – просто мудака. Сунул, кончил, недоёб. Вот она и удавилась. Счастливые бабы не вешаются. Как бы я тебя

драл, дорогая ты моя Марина Ивановна, думалось Савве, ты б была самой счастливой женщиной на свете. ты б читала мне свои стишки, пока я б тебе делал куни. Какая высокая рождалась бы поэзия! Без гормонов нет ни поэзии, ни живописи, ни музыки.

Красная Шапочка вынула дилдо из саввиной задницы, обтёрла покрасневшую попку детской гигиенической салфеточкой и слегка побрызгала ягодицы «Чёрным афганцем» от Насоматто. А потом сделала влажный горячий аннилингус. Савва испытал нечто анального оргазма. Он никогда не думал, что мужик может кончать жопой. И вот на тебе, кончил.

Савва пришёл в себя. Он всё также лежал обоссанный, обосранный, облёванный и обкончавшийся на холодном полу. Его знобило, потом пробило холодным потом, потом он начал потеть. Конечности не слушались. Он хотел произнести грязное ругательство, но передумал – для такой ситуации ругательство оказалось недостаточно грязным.

Если я схохну, подумал Савва, то хочу оказаться в мифо-

поэтическом времени, где Хельмут Ньютон снимает Жака де Башара и с Карлом Лагерфельдом, и с Ивом Сен-Лораном. Жак был постановочно наряжен мальчиком, а кутюрье были бы одеты девочками, с рюшами и оборочками. Надо мне будет заказать картину Вальдемару Коттлеру «Джордж Дайер и Жак де Башер пьют виски 69». Я видел его “Доброго самаритянина”, где Поль Гаше, врач ван Гога, добрейший человек, сцеживал трипперную каплю у Джорджа Дайера, нежного друга Фрэнсиса Бэкона. Добраться бы только до Вальдемара.

С Вальдемаром Коттлером Савва соприкоснулся в Нью-Йорке. В «Русской чайной комнате» на 57 улице. Савва увидел лысину, вокруг которой вились длинные кудри, ниспадавшие на рыжий лисий воротник пальто из викунии. Рукой в бриллиантовом браслете в виде наручника и бриллиантовых кольцах обладатель лысины держался за стену, а пальцами другой, без колец, но с бриллиантовыми часами, щекотал себя в глотке и пытался блевануть. Они встретились с Саввой глазами. «Ну не ёбанный мой рот, милостивый государь?» – спросил дядька. Савва тут же почувствовал родство душ. «Не идёт?» – участливо спросил Савва. «Душа застряла... Душу пытаюсь выплевать... Бэээээ-й-ээээ...»

За следующими двумя бутылками водки Вальдемар рассказал Савве историю. Он – еврей по матери и потомок кур-

ляндских герцогов по отцу. Такое же противоречивое происхождение как у Саввы: ашкенази с тевтонами. Такой же нестигаемый паразит, тунеядец и бездельник, как и Савва. Хорошее образование и праздность вкупе с генами и образованием привела его к переосмыслению Бытия. С большой буквы, включая библейскую Книгу Бытия. Вальдемар начал писать картины. Поскольку деньги он в основном пропивал и проигрывал, пронюхивал и проёбывал в прямом смысле этого слова, то на холсты и на студию у него средств не было. Он начал писать на картонных листах, на которые рвал коробки из-под запчастей «Ауди» – он их брал у механиков на дилершипе, в котором обслуживал свою Audi R8. И писал акрилом, потому что акрил сох быстрее. Вальдемар был нетерпелив, ждать ему было некогда.

“Что тебя сподвигло на занятия живописью?” – любопытствовал Савва. “Понимаешь, какое дело, – говорил Вальдемар, который был рождён ещё в СССР, говорил и думал по-русски, ибо это был родной язык, – я хотел повесить себе в хату какую-нибудь мазню. Чисто для себя, не для понтов, не для лохов с баблом, которые окромя Моне, Пикассо и Бэкона, ничего не ценят, и не для хипстеров при копейке, которые делают вид, что любят Поллока, Ротко и Твомбли. Я обошёл полторы сотни нью-йоркских галерей, съездил в Европу, побывал на всех арт-тусовках, на Манифесте, Документе, на всех Арт-Базелях – в Майями, в Гонконге и даже в самом

Базеле – и всё кругом полная хуйня. Не вставило. Ваще ничего не вставило. Если что и не халтура, то бездарность. И ничего на рынке нет такого, чтобы я, измученный с детства красотой и гармонией, мог бы не только вынести, но и стерпеть хотя бы месячишко-другой в свой дровичильне”.

“Мне люб по-человечески Бэкон, мне нравится Дюбюффе, я принимаю умом Баскию. Но чтобы и душа, и сердце, и мой всё ещё живой половой член приняли работу в согласии и мире – такого ещё не было ни разу. Ты меня застукал, когда я пытался избавиться от души. Думал, что полегчает”.

“Я могу любоваться только своими картинами. Я только от них получаю удовольствие. Больше, чем от Жана Дюбюффе, от Баскии, от Люкаса Самараса, от Женевы Фиггис и даже от Олега Ланга. Они у меня фрактальны в своих бесконечных смыслах. Я рассказываю истории, полностью, от и до. Но делаю это самыми скупыми, лаконичными средствами”.

И Вальдемар позвал Савву к себе домой. Он жил в полуподвале, недалеко от Центрального Парка. Обстановка была спартанской – сексодром king-size, вешалки с дизайнерской одеждой, Армани, винтажный Ямамото, Маржела и Варватос. Висело несколько костюмов от покойного Джанни Кампани. Также на стеллажах стояло несколько десятков, если не сотня, бутылок. Напитков, что в Америке называют

liquors и cordials. «Калымишь барменом?» – спросил Савва. «Нет, просто беззаветно люблю алкоголь», – скромно и без рисовки пояснил Вальдемар. «Какой твой любимый напиток?» – «Чистый спирт» – «И всё?» – «Ещё абсент. И простая минералка».

Потом они пили под вальдемаровыми картинами и слушали Жана-Батиста Люлли, потом поехали к Савве в «Плазу», там тоже пили. Приходили какие-то тысячедолларовые тёлки, с ними пили тоже. Дальше Савва помнил либо плохо, либо вообще никак. Вроде бы они были где-то там же в «Плазе» в гостях у Томми Хилфигера и Савва пытался выебать его жену. Потом были вроде бы в студии у Питера Марино, и, страшно подумать, Савва вроде бы пытался наброситься на Питера. Или Питер его. Нет никакой уверенности, что было на самом деле, потому что Питер старьёй, женатый, у него дети. Может, просто боролись, как мальчишки. Вроде бы они ещё намерились выебать всех галерейных барышень Нью-Йорка по алфавитному списку, начав с буквы «А», и дебоширили в галерее «Ана Царёв» и у Анны Зориной, потом искали Анину Носей, а потом собирались ехать в тюрьму к Мэри Бун, потому что она на букву «Б». Но это уже вообще недостоверно, даже не из полицейских протоколов, которые изъяли, потому что Вальдемар, оказывается, имел шуры-муры с нью-йоркской прокуроршей, мулаткой с роскошной фигурой, волоокой и очень темпераментной. «Она меня любит,

но дистанционно. Мне она нравится, но всё сложно. Если по-простому, – ей в пизду суёшь как в кипяток,” – пояснил Вальдемар свою привязанность. Савва пьяный валялся в камерке у Вальдемара, пока тот ходил за бухлом, и погружался в необузданный мир вальдемаровых фантазий.

А через какие-то неопределённые времена картины Вальдемара Коттлера стали являться Савве наяву, как какая-то гиперреальность. На картоне были трафаретом изображены шесть ступней, три пары. Две мужских и одна женская. Одна пара мужских почернела, на большом пальце ноги висел солдатский жетон, на котором было написано “Урия Хеттеянин”. Между парой женских ног, раскинутых, текла струйка крови, между ними было две мужских стопы, как будто пару застукали *in flagrante delicto*. Савва прочитал подпись – “Псалмопевец”. С другой картины к нему обратился какой-то бомж со вшами. Бомж оказался пророком Нафаном и он стал обличать Псалмопевца. Потом была вспышка молнии и запахло озоном. Савва вырубился.

Фрагмент из ненаписанной пьесы Саввы Маренова "Красная Шапочка и все-всё-вся"

Красная Шапочка стыдит Серого Волка на весь Шервуд-

ский лес.

– Ты такой большой, такой волосатый, такой грозный! Почему же он у тебя такой маленький?

Волк стыдливо колукает когтем землю и сконфуженно молчит. Видно, как он краснеет под шерстью.

– Ну хоть иногда он у тебя встаёт? Ну хоть на без четверти шесть?

– На без двадцати, – робко мямлит Волк.

– Вставить сможешь?

– Не мучайте меня. Не по этой я части. Мне б порвать кого. Зубами.

– Что ты можешь порвать? Разве только гондон прошлогодний!

– Извините. Мне очень стыдно, что я вас разочаровал.

– Разочаровал? Да ты мне всю жизнь испаскудил! Я мечтала, что меня в лесу жёстко выебет Серый Волк! Что я буду ползать перед ним на коленях, и умолять, а он меня будет раком пялить, а я буду кончать и молить о пощаде, и тогда он запихнёт мне мои мольбы обратно в глотку своим огромным красным хуем. И что я вижу?!

– Мне очень, очень стыдно, простите меня.

Красная Шапочка швыряет ему корзинку с пирожками.

– Неси давай моей бабке!

Волк бухается на колени:

– Только не это! Она шмаляет с чердака из снайперской винтовки. Ближе полукилометра к ней никто не подходит – завалит, отрежет мне яйца и будет делать свои духи. А из шкурки сделает воротник и коврик.

– Мудак никчёмный! – Красная Шапочка сплёвывает, вырывает корзинку и решительно идёт в лес. Волк, как оплётанный, понуро семенит за ней.

Фрагмент из набросков к книге Саввы Маренова "Учебник цинизма"

Мысленные заметки к главе № 13 "Как стать фартовым"

Основа жизненного успеха – не ум, не труд, не воля, но фарт. Это от слова «фортуна», а не от английского fart – пердеть. Хотя многие успехи не объяснить иначе, чем движением по жизни на пердячем пару.

Библия честно говорит, что не самым умным богатство, и не самым проворным победы, но на всё своё время и случай. Старые пророки были наблюдательными перцами, с понятием. Скорее всего, такая несправедливость вызвана Божиим провидением, или, по-нашенски, произволом. Бог честно говорит: кому хочу, тому и даю. Он не перед кем не отчитывается. Можно ли заслужить высокий пост или крупное состоя-

ние хорошим поведением? Хер там, если посмотреть, кто на вершине пищевой цепочки. А те, кто много и тяжело работают, обычно наживают не состояние, а геморрой и инфаркт.

Просчитать счастливое стечение обстоятельств невозможно ни теорией игр, ни теорией вероятностей. Смухлевать тоже очень сложно. Мухлёж – предусмотренная компонента фарта.

Жизнь устроена абсолютно несправедливо, и в этом её прелесть. Можно пахать из последних сил, рвать жилы и жопу, копить копейку, во всём себе отказывать, и ни хера не добиться, а сбережения просрать в одночасье. Или чего-то всё ж человеческими усилиями достичь, а потом сдохнуть от перенапряжения в сорок пять лет, кондрашка хватить – и привет горячий!

А можно ни хера не делать, не упираться, не долбить в одну точку как скаженный, а полагаться на авось, не напрягаться вообще и никак, и жить, как муха в сахарнице – и тебе квартира, и девки, и тачка роскошная, и пьянки на Лазурке три раза в год. Как это так, где ж тут справедливость? Её нет. Если и есть, то мы её не видим. Хорошие порядочные люди умирают, и похоронить их не на что, а подлюкам устраивают пышные похороны.

Нота бене. Любите ли вы справедливость? Это самый важный вопрос, а не идиотский «быть или не быть». Если бы Шекспир хотел наделить Гамлета мозгами, то вопрос был бы поставлен так: «иметь или не иметь?» Гамлет – дурак набитый, как, впрочем, большинство литературных персонажей. Особенно набита идиотами великая русская литература.

Как стать фартовым? Как сделать так, чтоб пёрло? Надо включать чуйку, знания тут никакого нет. Есть пошлая картёжная поговорка «знал бы прикуп, жил бы в Сочи». Она только частично отражает положение вещей. Есть странная статистика – из нескольких десятков попыток сделать достаточно безнадёжное дело одна выйдет удачной. Римляне заметили – дерзающим судьба помогает. И, как говорят русские сантехники, под лежащий камень портвейн не течёт.

Есть такая херня: «Ванька, жарь рыбу!» – «Так рыбы ж нету!» – «Ты жарь, рыба будет!» Если есть на душе порыв что-то сделать, а условий для этого, казалось бы, никаких, то надо начинать делать. Хоть с чего-нибудь. Судьба странным образом откликается на намерение. Мистификатор Карлос Кастанеда вложил достаточно точное определение этого желания что-то сделать в уста вымышленного дона Хуана, который определил это как «несгибаемое намерение».

Внутреннее ощущение – вот ключ к фарту. Надо путём

тренировок, путём попыток, путём проб и ошибок развить в себе ощущение благоприятных обстоятельств, дескать, сегодня рано, завтра поздно, а вот сейчас – в самый раз. Чутьё всегда говорит – не связывайся с этим человеком, или говорит – иди вот туда не знаешь куда и не знаешь зачем, будет тебе Щастье. И в самом деле, взяло оно и попёрло. Поймал волну фарта – и катись по ней, как серфингист, только держи баланс, чтоб не навернуться. Она уйдёт – не страшно, поймаешь следующую. Главное – выработать в себе навык прислушиваться к внутренним ощущениям и действовать не по уму и расчёту, а после них по обстоятельствам, по живой и неровной волне событий и обстоятельств.

Если кто-то говорит, что деньги такая материя, которую надо заслужить, плюньте ему в глаза. Если видите такую фразу в книжке – в топку её. Пустая трата времени.

Венецианский спритц лучше всего всё-таки взбалтывать в шейкере: сначала Апероль со льдом, потом долить швепсовской содовой, прихлебнуть, чтоб почувствовать крепость, а уже потом наливать туда ледяной брют – охлаждённый не до 11 градусов Цельсия, а до 5-6. Вообще коктейли надо миксовать самому. Редко какой бармен так хорошо чует спиртные напитки, как сам алкоголик. Какое счастье, что я алкоголик!

Так думал Савва. Жутко захотелось поссать – упавшее давление отпустило жидкость.

Черные лакированные лабутены. На платформе. Примерно 40-41 размера. Они остановились около самого саввиного носа. Слегка пнули его носком в нос. Савва открыл глаза. Он сначала рассмотрел шикарные, но неудобные туфли на красной подошве с каблуком сантиметров в 12. “Испанский сапожок. Косточки и варикоз в одном флаконе,” – подумалось Савве. Потом отличные чулки, должно быть Wolford. Красное пальто с какими-то чёрными кружевами, подстёжка из баргузинов. В соболях Савва разбирался. Он любил меха и ненавидел экологов. Потом очень красивую и ухоженную *gima pudendi* – редко когда Савве удавалось разглядеть столь аккуратные и нежные большие половые губы, чуть приоткрытые, и просвечивающую сквозь влажную щель здоровую тёмно-розовую плоть. Потом был крепкий животик с чудесным пупком, роскошные стоячие сиськи 4D с острыми вишенными сосками, а над всем этим – развратно-озорные бутылочно-зеленые глаза, светло-каштановые волосы и игривая красный то ли куколь, то ли дизайнерский головной убор, похожий на крылатый *Cornes* монахинь Ордена Святого Викентия де Поля, известных также как Дочери милосердия.

Пальто Савва тоже узнал. Крылья Cognes, они же рога, были одного оттенка с божественным пальто. И Савва узнал пальто. Это было Passage #5, последнее гениальное творение Джона Гальяно для Дома Диор, из которого его так некрасиво выпрездовали. Савва вспомнил, как Оля Шерер дефилировала в нём на подиуме в Париже, и он так хотел выебать красавицу из Белоруссии. Но потом от расстройтва из-за Гальяно так нажрался, что стал звонить Анне Винтур и плакать в трубку, и умолять вернуть всё назад, потому что Диор без Гальяно осиротел, как Шанель потом осиротела без Лагерфельда. От этого пальто ему стало хорошо, и он почувствовал половое влечение. Ему нравилось и пальто, и причинное место. Захотелось завалить тётю на пол, задрать полу пальто и прямо так её оприходовать.

Савва буквально в трясучке от вожделения соображал, как же посподручней её приспособить, но вот как? Полтела парализовано, он ему уже стало ясно. Скорее всего, инсульт его долбанул. С инсультом можно и нужно сношаться, половое возбуждение обеспечивает кровоток в мозгах. Чем больше совокупаешься, тем скорее восстанавливаешься.

Но как-то всё странно. Откуда она здесь? Вроде не призрак, пнула же Лабутаном его в шнобель чувствительно. И пахнет хорошими духами? Что это? Ксерджофф, Вторая Александрия? Да, она самая. Больше мужской запах. И

пальто чем-то роскошно пахнет? Похоже, меховая подкладка ароматизирована “Хубилай-ханом” от Сержа Лютенса. А причинное место надушено японской сливой от Тома Форда. “Любимые мои ароматы, – подумал Савва, ибо нутро уловило флюиды возбуждённой женщины из паха и заставило волноваться. – Интересно, осталась ли на мне шанелевская “Сикомора”, или теперь я говном с блевотиной воняю? Это сексуально только для копрофагов.”

Запах здоровой свежей вагины подействовал на Савву жовиально. Вомероназальные рецепторы уже не только ухватили флюиды паховых гормонов, но и передали сигнал в лимб, а оттуда – прямиком в пещеристое тело, которое стало наливать дурной кровью. Но ведь я же её придумал, откуда она взялась?

– Из Парижа, чай, только?

– У тебя уже встал.

– Это с надеждой вопрос?

– Это утверждение. Думаешь, откуда я взялась?

– О-оо?

– Ты со мной трахаешься уже чёрт знает сколько, но ты хоть имя мне дал?

– Не помню. Пардон. Эскюзе муа, силь ву пле.

– Недолго тебе осталось. Подохнешь здесь.

– Позови на помощь.

– Как? Я же виртуалка. Я существую только для тебя.

– Господа попроси.

– Где я и где Господь?

– Тебе лучше знать.

– Нет, тебе лучше. Ты ж меня придумал. А тебя придумал Господь. Я существо третьего порядка, ты второго, Господь высшего. Мы не пересекаемся. Наверно. Ничего не известно с точностью.

– Меня кондрашкахватила.

– Это не точно. Какхватила, так и отпустит. Выживешь, если сейчас кончишь.

– Это из стишка: ебись всегда, ебись везде?

– Это воля к жизни. Если ты сдохнешь, то и твоё творение сдохнет вместе с тобой. Поэтому позволь-ка я расстегну твои штаны и...

– Пока не забыл! Если сдохну, скажи маме, что я завещал поменять кухню Strato на Gullo, как у Бурбонов. У них очень красиво. И медная посуда с лужением.

Не сказать, чтобы Самбука была полной дрянью. Анис – это на любителя. Но вот что забавно можно сделать – равными частями, по краешку высокого стакана, наливаешь: синий ликёр Кюрасао или зелёный Мидори, или вообще какой хочешь, но густой сладкий ликёр. Потом наливаешь брют. Потом слой Самбуки. Потом водочки, можно смородиновой,

но можно и простой. А потом зелёный абсент. Втыкаешь соломинку, абсент поджигаешь, и пока горит, всё засасываешь. Можно потом зажевать лимоном, лучше всего мейером.

Синие Очки и Синяя Борода. Бабка встречалась со своим зятем, Жилем де Ре, и они вместе ходили сношаться на живодёрню. Бабка подвешивалась на ремнях на крючья, как свиная туша. Жиль паялил её, как свиную тушу. Потом они пили бычью кровь с водкой Summit или Grey Goose, потом снова сношались. Могла завязаться между тёщей и зятем какая-то интрижка, но ничего такого не было. Никакой любви. Им было хорошо вместе. Жилия не удовлетворяла близость с Франсуазой. Да и падчерице, к Красная Шапочка, он приставал для проформы. Про секс с супругой он говорил её матери: “Это было как драть без лубрикантов сушёную воблу, которая вместо сладострастных стонов кроет тебя ебуками и курит ещё при этом. А вы, мама, вполне себе женщина хоть куда. У вас, мама, уже прошли гормональные приливы, климакс стопроцентный, вы не боитесь беременности. Мне нравится, мама, что всем смазкам вы предпочитаете своё свежее оливковое масло. Мне приятно вам отлизывать, ибо оно первого холодного отжима. А вот ваша доченька, Франсуаза, в моменты близости всегда суха, холодна, требует кончить поскорее, и непременно требует чёрный презерватив. Она

находила его элегантным, но подозреваю, тут либо мистика, либо траур по какому-то любовнику. Поэтому мне, мама, приходится пялить вашу девочку в задний проход. Мне это помогает быстро всё закончить, а Франсуазе полезно от заповров”.

Жиль знал, что бабка промышляет мокрухой, и его это очень возбуждало. А бабка умела себя подать. Она не стеснялась возраста, сиськи были ещё крепкими, морщины благородными, ноги и тело сильными, ухоженными. Секс она любила самозабвенно, особенно куни. Ухоженные усы и борода Жилия щекотали клитор, доставляя неземное наслаждение. Но она скрывала, что в свободное от Жилия время носит во влагалище и заднем проходе особое вибрирующее приспособление, дабы постоянно быть в тонусе и под сексуальным кайфом. Бабка носила бельё La Perla, балетки Repetto, черепаховые круглые очки а-ля Жаклин от Maison Bonnet и владела особой горловой техникой минета. Ещё она любила декламировать «Цветы зла» Шарля Бодлера, когда Жиль лизал ей передок. Кончив, они валялись в джакузи, где Клер в другое время разделявала трупы, и Жиль читал ей вслух Селина.

“Столько в жизни ещё не сделал, – думал Савва без осо-

бой тоски, – Но и делать-то особо никогда ничего не хотелось. Бухал и трахался вволю. Не прочитал русскую и прочую классику. Мало ходил в этот грёбаный театр на всякую херню типа Чехова и Островского. Нечасто бывал в консерватории и балете. В балете больше за кулисами. Зато вволю пошлялся по ресторанам и борделям, поиграл в казино, прохуячил кучу денег, до сих пор дрожь берёт. В театре нет таких ощущений, от этих нищих актрисок, как от богатых куртизанок, мандой проложивших себе путь наверх.

О чём жалеть? Жаль, не встретил инопланетян. С другой стороны, если их встретить, то что? Если их можно понять без особого напряжения мысли, то они во многом похожи на нас. Если же их понять невозможно, то хер они тогда сдались? Даже технологии было бы у них невозможно спиздить.

Но, с третьей стороны, если в основе нашей Вселенной лежит математика и физика именно нашей Вселенной с однолинейно направленным временем и константами, свойственными именно нашей Вселенной, то тогда всё везде в двух триллионах галактик со ста миллиардами звёзд в каждой всё должно быть устроено примерно одинаково. Ну, ушла какая-то цивилизация даже на миллиард лет вперёд, что тогда? Это далеко ушли. Если развитие идёт экспоненциально и квантовыми скачками, когда накопленное количество изменений переходит в принципиально новое качество, то что

тогда эта цивилизация из себя представляет, если не сдохла от инцеста и инбридинга? А гены так или иначе должны у всего живого вещества присутствовать, иначе как передать наследственную информацию, даже если это жизнь не на углеродной, а на кремниевой основе?

Твою мать! Вот я сейчас тут подохну, и не знаю, где окажусь – в нигде? во свете? во тьме? или в новой пизде, если верить Ведам или Каббале? Не помню своих прошлых жизней. Как ни силился с псилоцибинами освежить память, ни хера не вышло. Что я такое? Дух? Душа? Животное? Или чей-то оцифрованный глюк? Или совмещаю природу того и другого?

А вот, допустим, Господь Бог, вот где Он? Какова его природа? Откуда он взялся? Говорить о предвечности и предсущности я не в состоянии, потому что это за границами не только моего понимания, но даже Гриши Перельмана и дохлого уroda Стивена Хокинга. Вселенная не может как ни иметь границ, потому что всё ограничено и конечно, так и не может их иметь, потому что какая же это Вселенная, если она ограничена и конечна? Как решить этот парадокс, я не знаю. Обосранному и облёванному insultнику это решать на непохмелённую голову... Но логика в моём рассуждении есть. Логика есть в обоих рассуждениях. А если попытаться ввести третью логику? Какой она могла бы быть?"

Савва от перенапряжения мысли смог пошевелить парализованной рукой.

Пришла Красная Шапочка, голая, в фартуке, принесла Дайкири и Мохито. Савва посмотрел на Дайкири, посмотрел на Мохито, сглотнул и сказал:

– Иди погуляй. Я думаю....

Красная Шапочка дематериализовалась, оставив лёгкий флер удового дерева от Тома Форда. Дайкири и Мохито стояли перед ним на полу.

Савва попил Мохито через трубочку, облился, разлился, успокоился. Закрыв глаза и стал думать дальше.

“Что мы знаем о Господе Боге? Что-то из Торы, что-то из опытов неистовых еврейских пророков и просто от энтузиастов духовных упражнений. Равно как и практиков духовных испражнений. Наша иудео-христианская цивилизация знает о Боге лишь то, что ему самому было благоугодно о себе рассказать третьим лицам. Или на домыслах и фантазиях, именуемых откровениями. Наше знание и представление о главной вещи или персоне во Вселенной основывается на показаниях других людей, живших в незапамятные времена. Верить ли им? Эти все сведения, переданные нам из глубины

веков, называются у следаков ёмко и смачно – «с чужих слов записано верно». Насколько верно? Или насколько неверно? Это всё непроверяемо, индивидуальный духовный опыт не подлежит перепроверке сторонними независимыми наблюдателями, равно как и не воспроизводится при экспериментах.

Что говорит мой личный опыт богоискательства? Ничего. Ходил в синагогу, корпел в колеле над Торой, наматывал тфилин, читал Сидур с выражением, скучал отчаянно. Ходил по церквям. По разным. Суть везде одна – только верь, и будет тебе счастье. Но в Торе нет такого понятия как счастье. Это засада. Это как-то не то, что я хотел там найти. А что я искал? Смысл. Смысл жизни и смысл своего существования. Нашёл? Не нашёл. Острота вопроса с годами затупилась, вместе с ослаблением потенции и умственных способностей. А вот смысла не нашёл. Удовлетворился пошлым самоудовлетворением, духовной судохрочкой. Дескать, смысл в том, чтобы просто жить, не заморачиваясь, оставляя после себя добро. Добро во всех смыслах. Только вот потомки любому добру предпочитают наличные деньги.

Может, я шизофреник? Тихий такой шиз, сильно пьющий, не агрессивный, без маниакальных идей. Почему я во всём сомневаюсь? Счастливы люди, верящие во что-то безоговорочно, без сомнений, у них чёткая система, им всё яс-

ненько, всё понятненько. У них есть ось абсцисс и ось ординат. Они знают, где находятся по жизни: дескать, мне 50 лет, я зампред банка, у меня жена, двое детей, любовница, две машины, две квартиры, загородный дом, дача на Волге, студия в Сан-Ремо. Всё неплохо, я в порядке. А у меня картина мира и самооценка плывёт вместе с моим подтекающим чердаком. Картина у меня постоянно меняется, как пазлы. Но не такие, как у детей с бумажными картинками, а как калейдоскопические. Будто на картинках постоянно меняются изображения фрагментов, равно как и сама общая картина тоже постоянно меняется. И вроде бы Вселенная одна, а мировоззрение моё течёт и изменяется. Может, Вселенных много, каждое утро я просыпаюсь в разных? Может, я сейчас усну, а проснусь здоровым, где-нибудь в Монако, а эта обосранная реальность мне покажется сном? Не сон ли это? Ущипнуть себя?”

Савва ущипнул себя за то, что было ближе – за член. Но ничего не почувствовал. Он испугался, и стал себя похлопывать по промежности. Гениталий не было, ни члена, ни мошонки. От ужаса он закричал: “Господи! Господи!” Сознание, покидая тело, услышало громкий зычный голос, будто усиленный невидимой концертной аппаратурой: “Тут Я!”

Конец первой части.